

Илья Дементьев
(Калининград)

КТО ИЗ ГЕРОЕВ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРОЧИТАЛ АЛЕКСИСА ДЕ ТОКВИЛЯ?

К творчеству выдающегося французского историка и политического мыслителя Алексиса де Токвиля обращались лучшие русские умы XIX столетия¹ — А. С. Пушкин, П. Я. Чаадаев, А. И. Герцен, К. Д. Кавелин, К. Н. Леонтьев, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой²... Интерес к оригинальным идеям «французского Тацита» (по определению В. В. Розанова), зародившийся в 1830-е годы, обострился в эпоху Великих реформ в России. Токвиль был автором двух нашумевших книг, которые разделяют почти два десятилетия бурных политических перемен на его родине. «Демократия в Америке», вышедшая в 1835 году (второй том — пятью годами позже), была посвящена заокеанскому опыту сохранения политической свободы при демократическом правлении. В сочинении «Старый порядок и революция» (1856 год), оставшемся незавершенным, анализировались

¹ Едва ли не первым русским читателем Токвиля стал князь Иван Гагарин, который записал в дневнике 5 июля 1835 года свое впечатление о только что вышедшей «Демократии в Америке»: «Это одно из самых замечательных и поучительных сочинений, появившихся до сих пор об этой стране...» [3, с. 138]. Следом за ним в 1836 году свое восторженное мнение опубликовал А. И. Тургенев в журнале «Современник» («Хроника русского»); далее П. Я. Чаадаев обсуждает Токвиля в переписке с Тургеневым в 1836 году и т. д.

² Нужно признать, что этому ряду русских мыслителей, чье отношение к Токвилю колебалось между уважением и восхищением, противопоставит немногочисленная группа критиков; к ним, прежде всего, принадлежат Н. Г. Чернышевский и Д. И. Писарев.

причины Французской революции. Ответы Токвиля на злободневные вопросы его времени были более чем неожиданными, поэтому внимание русских писателей легко объяснимо. Следом за авторами герои русской литературы в свою очередь открывали книги Токвиля.

А. И. Герцен в автобиографическом произведении «Былое и думы» (часть опубликована в 1854 году) рисует яркий портрет А. А. Корнилова, лицейского товарища Пушкина и вятского губернатора. Он был человеком просвещенным, постоянно «покупал новые французские книги, любил беседовать о предметах важных и дал мне книгу Токвиля о демократии в Америке» [4, с. 296]. Чтение сочинения Токвиля привело Герцена к грустным размышлениям о том, что в современном мире «душа убывает» — стадные типы приходят на смену индивидуальности. «Скорбь и грусть» — так определял молодой Герцен свои чувства после прочтения «Демократии в Америке» (письмо Н. Х. Кетчеру от 20 августа 1838 года); он цитирует знаменитое предсказание Токвиля о великом будущем России и Америки. Тогда этот прогноз вызывает у писателя сомнения: «Но где же в Америке начало будущего развития? Страна холодная, расчетливая. А будущее России необъяснимо — о, я верую в ее прогрессивность» [5, с. 386]. Позже Герцен познакомился и со «Старым порядком и Революцией» — это сочинение укрепило в нем веру в необходимость коренной ломки российского деспотизма. Очевидно, с возрастом его вера в «прогрессивность» России пошатнулась¹.

Герцен, вероятно, раньше других персонажей русской литературы прочитал Токвиля; не все специалисты определяют «Былое и думы» как мемуары, но это, бесспорно, литература *non-fiction*. Как же отражался образ французского мыслителя в художественной литературе? Среди вымышленных героев на роль первой читательницы Токвиля претендовала, по всей видимости, героиня первого романа И. С. Тургенева «Рудин» (1855) Дарья Михайловна Ласунская.

«— Читали ли вы эту книгу? C'est de Tocqueville, vous savez?»

И Дарья Михайловна протянула Рудину французскую брошюру.

Рудин взял тоненькую книжонку в руки, перевернул в ней несколько страниц и, положив ее обратно на стол, отвечал, что собственно этого сочинения г. Токвиля он не читал, но часто размышлял о затронутым им вопросе. Разговор завязался» [15, с. 225] и быстро перерос в продолжительный монолог Рудина, содержание которого для читателя остается неизвестным.

¹ Об образе Америки по Токвилю у Герцена см. в классической работе Д. Бодена «Образ Америки в русской литературе до конца XIX века» [17, S. 133—142].

Какую книгу Рудин взял в руки? Здесь, между прочим, возникает серьезная проблема. «Демократия в Америке» никак не могла произвести впечатление «тоненькой книжонки», потому что даже первый том сочинения занимал более 350 страниц. Труд «Старый порядок и революция» был издан только в 1856 году¹. Что же читала Дарья Михайловна? Комментатор романа в собрании сочинений Тургенева высказывает предположение, что речь шла об одной из «многих политических брошюр» Токвиля [15, с. 493], однако это маловероятно: на момент действия романа (начало 1840-х годов) широкое распространение в Европе получила только «Демократия в Америке». Может быть, Дарье Михайловне попала в руки какая-то брошюра другого Токвиля — отца Алексиса². Он стал известен своими сочинениями позже сына, начиная с 1847 года, когда выпустил «Философскую историю правления Людовика XV» (тоже после событий романа); ему принадлежали разные политические брошюры, одна из которых могла случайно оказаться в России.

Как же трактовать появление Токвиля в описанном эпизоде? Современная исследовательница А. А. Арустамова небезосновательно усматривает в этом эпизоде «ироническое отношение Тургенева к "просвещенности" широкого дворянского круга. Как известно, введение неуместного упоминания философов или публицистов героем в произведениях Тургенева является одним из способов дать характеристику герою, выполняет характерообразующую функцию» [1, с. 14]. Ироническое отношение здесь присутствует, хотя вероятность ошибки была невелика — брошюра передавалась в присутствии свидетелей. В любом случае, Рудин признался, что не читал этой «книжонки», Дарья Михайловна, возможно, ошиблась в ее авторстве и наверняка также не читала ее.

Ветер перемен шестидесятых годов пополнил круг читателей Токвиля новым лицом. В 1862 году в журнале «Время» братьев Достоевских был опубликован роман Г. П. Данилевского «Беглые в Новороссии». Среди его персонажей — «полковник-коммерсант» Панчуковский, который, прочитав Токвиля, пришел к выводу, что «теперь нам пора подумать и о материальном счастье на земле; оно, может быть, еще выше духовного» [6, с. 47]. Проекты полковника представляли собой «планы горячих, дерзких, небывалых еще на Руси, в среде его сословия, предприятий»: строительство городского водопровода, за-

¹ Еще, правда, была совместная публикация Токвиля и Г. Бомона о пенитенциарной системе в США, но, во-первых, у нее было два автора, а во-вторых, ее содержание едва ли было интересно героям Тургенева.

² Сочинения Э. де Токвиля (1772—1856) нередко приписывают его знаменитому сыну. Эту ошибку можно встретить и в энциклопедиях, и в диссертациях.

купка всего запаса хлеба в одном из портов и т.д. А. А. Арустамова верно замечает по этому поводу, проводя параллель с казусом Ласунской: «Сниженное упоминание книги Алексиса Токвиля в романе Данилевского указывает на тенденцию широкого ее распространения в русском обществе, когда знаковым является имя, а содержание во всей его полноте остается скрытым от массового читателя» [1, с. 11–12]. Нет никого более далекого от вульгарного материализма, чем Токвиль в «Демократии в Америке»: одна из главных угроз века демократии состоит в том, что замыкающиеся в своекорыстных интересах люди становятся легкой добычей деспотизма. Панчуковский, надо полагать, читал не Токвиля, а кого-то другого.

У самого Ф. М. Достоевского Токвиль появляется в руках Степана Трофимовича Верховенского в романе «Бесы» (1871–1872). Степан Трофимович «читал постоянно». Но что он читал? «Увлекся было когда-то изучением высшей современной политики наших внутренних и внешних дел, но вскоре, махнув рукой, оставил предприятие. Бывало и то: возьмет с собою в сад Токевиля, а в кармашке несет спрятанного Поль де Кока» [7, с. 19]¹. Из этого пассажа не следует, что Верховенский действительно читал Токвиля; наоборот, он имитировал чтение, чтобы создать себе определенную репутацию, а в действительности обращался к творчеству куда менее серьезного автора.

В 1870-е годы на Токвиля ссылаются герои произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина². «Токевиль, — замечает писатель в примечании к тексту романа «Дневник провинциала в Петербурге» (1872), — положительно сделался популярнейшим из публицистов в наших усадьбах». Это вовсе не значило, что герои романа читали Токвиля внимательнее Ласунской или Верховенского: напротив, они приписывали ему всевозможные вздорные мысли. Провинциальные помещики в беспокойстве о том, как им обустроить Россию, составляли «прожекты»,

¹ В набросках к роману Достоевский характеризует Верховенского так: «Склонялся к американским штатам (Токв<иль>», «Фурьерист; но потом, когда у нас явилось более фурьеристов» [8, с. 161]. Из записных книжек Достоевского ясно, что он читал «Демократию в Америке» в начале 1860-х годов (см.: [9, с. 154]), однако степень влияния Токвиля на русского писателя остается дискуссионным вопросом. В начале 1990-х годов этой проблеме уделял большое внимание А. Мигранян [11], доказывавший, что в поэме о Великом Инквизиторе в «Братьях Карамазовых» зашифрованы соображения Токвиля о своеобразной диалектике свободы и равенства, однако эта остроумная реконструкция не встретила особого сочувствия в среде достоевистов.

² Находясь в ссылке в 1848–1855 годах, Салтыков предпринял попытку перевода «Демократии в Америке». Поэтому, возможно, он лучше многих своих современников понимал суть взглядов Токвиля.

обязательным элементом которых были мнимые цитаты из Токвиля («Бесполезное тиранство никогда пользы принести не может»; «Так называемое оглушение не только не противно человеческой природе, но в весьма многих случаях даже способствует восстановлению человеческих сил»). Рассказчика у Салтыкова ужасают все эти «плоды деревенского досуга», составленные откровенно невежественными людьми¹. Он даже вступает в дискуссию с одним из персонажей по поводу аутентичности цитаты из Токвиля: «— Что? — парирует Александр Прокофьич, — Токевиль-то? Да я от Петра Иваныча Дракина сам своими ушами слышал, что именно это самое у него в книжке написано!» Проектом предусматривалось вооружить губернаторов и «на каждых пяти верстах поставить... дистанционного начальника из... местных землевладельцев... с предоставлением искоренять зло по обстоятельствам» [13, с. 86—87]. Все это прожектерство, конечно, не имело никакого отношения к идеям Токвиля; возможно, сатирик пародирует здесь знаменитую записку, которую в 1858 году от имени брянского дворянства подготовил крупный землевладелец С. И. Мальцов. Отгалкиваясь от идей Токвиля (возможно, они тоже слышали изложение его взглядов Петром Иванычем Дракиным), помещики выступают против общины, крестьянского землевладения, бюрократии и «демократически-социалистических учений». Резюме составителей записки состояло в том, что необходимо всячески охранять сословные права дворянства. Нетрудно заметить, что этот вывод совершенно абсурден в контексте видения Токвилем неумолимого наступления демократии; он с грустью наблюдал, как дворянство, судорожно цепляясь за свои сословные интересы, медленно движется к пропасти, утягивая за собой все общество².

Французский автор появится еще раз в творчестве Салтыкова-Щедрина — в очерке «Господа Молчалины» из цикла «В среде умеренности и аккуратности» (1874—1877). Двое персонажей повести — однофамильцы Молчалины — занимаются вымарыванием разных неподобающих мест из статьи, ожидающей публикации. «"Токвиль говорил: единоначальники, доводящие свое властолюбие..."

— Марай! — вскричал Алексей Степаныч, — и читать дальше не нужно! Марай!» [12, с. 78].

¹ Впрочем, не без прозорливости замечает рассказчик, то ли еще будет: на смену этим провинциалам придет «последняя партия», которая «вследствие окончательной безграмотности и незнакомства с именем господина "Токевиля" даже не даст себе труда писать проекты об уничтожении, а просто будет зря махать руками направо и налево» [13, с. 81].

² См. о записке Мальцова издания [16, с. 65; 18, р. 305].

Нетрудно догадаться, что и Молчалины не были особо оригинальны — они едва ли прочитали Токвиля...

Л. Н. Толстому довелось познакомиться со «Старым порядком и революцией» в Женеве в 1857 году. Впечатление от этой книги было настолько сильным, что он вернулся к мыслям Токвиля спустя полстолетия — об этом свидетельствует дневниковая запись 29 июня 1905 года: на основе представления Токвиля о том, что «большая революция произошла именно во Франции, а не в другом месте именно потому, что везде положение народа было хуже, задавленное, чем во Франции»; потому следующая революция ожидается в России: «как французы были призваны в 1790 году к тому, чтобы обновить мир, так к тому же призваны русские в 1905-м» [14, с. 219].

Влияние Токвиля на Толстого уже подчеркивалось исследователями. В частности, Кэтрин Фойер в недавней работе «Толстой и генезис "Войны и мира"» обосновывает тезис о конгениальности двух авторов: некоторые идеи Токвиля могли бы снабдить Толстого объяснительной рамкой для его интересов к Наполеону и Французской революции, к декабризму и современной России¹ [19, р. 185—193]. Родство политических и историософских идей Токвиля и Толстого, по мнению Фойер, отразилось на замысле романа «Декабристы» (1860—1861) и на ранней редакции «Войны и мира» (1863—1864).

Однако среди героев Толстого Токвиль не пользовался особым успехом. Следы чтения французского классика обнаружатся в черновиках романа «Анна Каренина» (1873—1877) — Анна читала книги Токвиля, Карлейля и Тэна: «Она прочитывала эти книги, понимая их вполне, но испытывая то обычно оставленное такими книгами чувство возбуждения и неудовлетворения жадью» [2, с. 453]. Пожалуй, Анна Каренина имела все шансы стать первой настоящей читательницей Токвиля среди героев русской литературы, но в окончательной редакции романа круг ее чтения был сужен до И. Тэна (испытавшего, впрочем, известное влияние Токвиля).

К 1880-м годам интерес к Токвилю стал постепенно слабеть — героям русской литературы хватало других поводов для разговоров. Но Токвиль появится еще в творчестве Н. С. Лескова. Герой его рассказа «Старинные психопаты» (1885) помещик екатерининских времен Сте-

¹ В понимании К. Фойер даже названия глав «Старого порядка...» могли бы быть написаны Толстым: глава 12 книга 2 — «Почему, несмотря на прогресс цивилизации, положение французских [российских] крестьян в XVIII веке было порой хуже, чем в веке XIII». Наблюдения Токвиля по поводу Старого порядка во Франции (и о положении крестьян, и о положении литераторов) неизбежно должны были вызвать у Толстого ассоциации с российской действительностью 1850—1860-х годов.

пан Иванович Вишневецкий «не был и поборник строгого уважения к властям, а, напротив... сам весьма часто и даже почти при всяком случае готов был унижать и оскорблять органы законной власти. Не был он и демократом, не был и народником в нашем нынешнем понятии. <...> По короткому, но меткому определению простых людей, был "пан, як се належи — як зубр из Беловежи", то есть он был "барин как следует, все равно что зубр из Гродненской пуци". <...> И как пан, он наблюдал свое полное достоинство и знал толк в этом деле. Не имея настоящего образования и не читав неизвестных еще тогда политических рассуждений, написанных позже такими людьми, как Токвиль, — он верно понимал космополитические стремления настоящего аристократизма, свойственные также и настоящему демократизму, ибо при обоих объединяющим стимулом является принцип, отгесняющий в сторону симпатии национальности» [10, с. 472].

Круг замкнулся. Герои Тургенева и Данилевского едва ли читали Токвиля, но уж точно не понимали его; герои Салтыкова-Щедрина знали его имя, но не читали и не понимали его взглядов; герой Достоевского притворялся, что читал; героиня Толстого читала и понимала, но испытывала чувство неудовлетворенности, а герой Лескова, не читая Токвиля, уловил сущность его будущих идей. Следующее столетие русской истории окажется настолько бурным, что героям литературы будет уже не до французского мыслителя. Он останется модным автором лишь для верхов российского общества второй половины XIX века, обязательным атрибутом разговоров в «просвещенном кругу». За пределы этого круга Токвиль не вышел — он не был близок «самым оригинальным русским мальчишкам» à la братья Карамазовы, ночи напролет обсуждавшим «вековые вопросы» в трактирах. На русской почве судьба идей французского интеллектуала оказалась не очень счастливой: как выяснилось, мало кто из персонажей отечественной литературы вообще прочитал Токвиля, не говоря уже о том, чтобы вдохновляться его идеями и разделять его ценности.

Увы, этот вывод справедлив не только в отношении вымышленных героев. Большая часть русских мыслителей XIX века, обратившихся к идеям Токвиля, пыталась применить их для подкрепления собственных идей — не более того! А. С. Пушкин нашел в Токвиле союзника в своих страхах перед Америкой; Ю. Ф. Самарину он представлялся «западным славянофилом»; для К. Н. Леонтьева главным было неприятие Токвилем процесса исчезновения общественной иерархии; Г. В. Плеханову он мнился предтечей марксизма... Пожалуй, вплоть до начала XX века чтение Токвиля в России отличалось утилитаризмом такого рода. Однако американский исследователь С. Ф. Старр имел все основания заметить по поводу рецепции «Старого порядка и револю-

ции» в нашей стране: «Существовала или нет в России в действительности революционная ситуация, о которой толковали советские исследователи, книга Токвиля помогала русским любых убеждений принять полную безотлагательность национального совершенствования, так же, как и увидеть свои проблемы в европейской перспективе» [20, р. 72].

Список литературы

1. Арустамова А. А. О некоторых американских аллюзиях в русской литературе середины XIX века // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2007. №15.
2. Бабаев Э. Г. Комментарии // Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. М., 1982. Т. 9.
3. Гагарин И. Дневник. Записки о моей жизни. Переписка. М., 1996.
4. Герцен А. И. Былое и думы. 1852—1868 // Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. М., 1956. Т. 8.
5. Герцен А. И. Письма. 1832—1838 // Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. М., 1961. Т. 21.
6. Данилевский Г. П. Беглые в Новороссии. Воля: романы. Киев, 1988.
7. Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1974. Т. 10.
8. Достоевский Ф. М. Бесы. Глава «У Тихона». Рукописные редакции // Там же. Т. 11.
9. Достоевский Ф. М. Статьи и заметки. 1862—1865 // Там же. Т. 20.
10. Лесков Н. С. Старинные психопаты // Лесков Н. С. Собр. соч.: в 11 т. М., 1958. Т. 7.
11. Мигранян А. М. Метаморфозы революции: Токвиль и Достоевский // Общественные науки и современность. 1991. №1.
12. Салтыков-Щедрин М. Е. В среде умеренности и аккуратности // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. М., 1971. Т. 12.
13. Салтыков-Щедрин М. Е. Дневник провинциала в Петербурге. М., 1986.
14. Толстой Л. Н. Дневники. 1895—1910 гг. // Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 20 т. М., 1965. Т. 20.
15. Тургенев И. С. Рудин // Тургенев И. С. Полн. собр. соч.: в 30 т. М., 1980. Т. 5.
16. Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1850 — середина 1870-х гг. М., 2002.
17. Boden D. Das Amerikabild in russischen Schrifttum bis zum Ende des 19. Jahrhunderts. Hamburg, 1968.
18. Diestelmeier F. Tocqueville lu par un magnat russe: une zapiska de S. I. Mal'cov de 1858 // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1978. Vol. 19 (3).
19. Feuer K. B. Tolstoy and the genesis of *War and Peace*. Ithaca; L., 1996.
20. Starr S. F. Decentralization and Self-Government in Russia, 1830—1870. Princeton; New Jersey, 1972.